

ПРИЗВАЛСЯ я осенью 1984 года и попал служить в погранвойска в Биробиджан. Точнее, в село Башурово недалеко от китайской границы. У нас на заставе в шутку так и пели: «На недельку до второго я уеду в Башурово». Служил, как все, осваивал специальность «системщика» — специалиста по сигнальным системам. Тот день, когда вывел командир, до сих пор отчетливо помню, как раз две посылки из дома получил. Вошел, доложил и с ходу мне вопрос: «На юг поедешь?» Понял сразу: не загорать — в Афганистан. Согласился без раздумий и, если бы не предложение начальника заставы, просился бы сам туда. Подавал рапорт еще раньше, в отряде, в Биробиджане. Тогда просто отшили, а теперь... Собрался в тот же день, попрощался с сослуживцами, свободными от нарядов, оставил ребятам свои посылки и сел в автобус, набитый такими же кандидатами в Афганистан, только с других застав.

Из нас формировали мотоманевренную группу, которая должна была сменить прибывшую из Афганистана часть. Так перекалифицировался я из «системщика» в наводчика автоматического гранатомета, который душманы с любовью называли «бешеная собака».

Когда мы приземлились в Термезе и открылся люк самолета, то очутились в настоящей духовке. Тогда только и поняли, что такое Средняя Азия. Некоторые потеряли сознание, собаки визжали на раскаленном асфальте. Тяжело было, с полудня жизнь в лагере замирала, все сидели по палаткам. Понять можно: большинство ребят было с Урала. Аклиматизация не

для всех бесследно прошла, один парень у нас умер от теплового удара.

Принимали технику, сидели на занятиях. Господи, сколько чепухи нам замполиты вдавливали: про хозрасчет, учили писать brave боевые листки! Успокаива-

Признаться, обстреливали нас нечасто. Так, если только со стороны границы из пулемета польют. Да и по-добраться к нам было нелегко — вокруг сигнальные мины. Не раз они срабатывали, но утром тела убитого душмана мы уже не на-

без воды сидели. И вдруг кто-то вспомнил фильм, где герой спасается от жажды, посасывая свинец. Расковыряли несколько патронов, положили под язык кусочек свинца — полегчало. И вот стих «афганец», привезли вертолеты воду, вы-

еще долго ходил в рваном сапоге — донашивал положенный срок, новые не давали. Да что там сапог, за хэбз, был случай, с солдата выжили только потому, что пришлось форму разрезать, перевязывая рану.

Вообще в Афгане остро чувствовали мы всякую несправедливость, деление на белую и черную кость. В лагере офицеры не сядут за один стол с солдатом, для них — отдельный повар, специальное меню. Доходит дело до наград — в первых рядах офицеры, сержанты. Знаю одного старшину-фельдшера, получившего Красную Звезду, не побывав ни на одной боевой операции. А в бою... Я видел за всю службу всего офицеров пять из тех, кто первым способен пойти в атаку. Большинство же ехало в Афган за «Шарпами», чеками, орденами, как наш начальник заставы майор Мельников, имевший оброкновение управлять боем из-под колес бэтээра. Приходилось видеть, как эти «герои» продавали душманам наши же патроны. А на следующий день наказывали солдата за то, что тот не отдал честь.

Много я увидел в Афгане того, что никогда не пришло бы в голову в Союзе, на «гражданке». Было всякое, и поэтому тяжело мне было слушать, как унижали на Съезде А. Д. Сахарова, пытавшегося сказать правду об Афганистане. Но я не жалею, что был там. Мне стыдиться нечего: я выполнял солдатский долг, ни одной боевой операции не пропустил. Конечно, сейчас понял многое, многое переоценил. Но я проверил себя в тяжелой ситуации. И только за это уже благодарен Афганистану.

Записал
Г. ГРИГОРЬЕВ.

Нас проверял Афганистан

Сергея Аверина, рабочего ПО «Хромпик», наши читатели уже знают по публикациям в газете. Такая уж у него натура — быть на острие событий. То напросится вместе с подшефными интернатовцами в лагерь ехать, то участвует в конкурсе на лучший проект памятника погибшим «афганцам». Но была еще одна публикация — в газете «Боевой дозор», «Подзнаменка» в свое время ее перепечатала. Рассказывала эта незамысловатая корреспонденция в армейской газете о бое с душманами, который пришлось вести подразделению, прикрывающему мирную колонну. Участвовал в этом коротком бою и наш земляк С. Аверин, гранатометчик. Но все же Афганистан начался для него не со свиста пули, а с палящего среднеазиатского солнца.

ли: в Афганистане гибнут редко. Одним словом, внушали патриотические чувства. Но были и те, кто отказывался ехать в ДРА. Из трусости или по идейным соображениям, не знаю. Но зато знаю, что кара наступала незамедлительно: солдат исключали из комсомола, офицеров — из партии, снимали звезды.

И вот Афганистан. Точнее, провинция Герат. Мой Афганистан — это «точка» в двух километрах от иранской границы, две тропы, по которым из Ирана идут караваны с оружием. Вокруг горы, горы. Вода, питание — только вертолетом, жили в странном сооружении из минометных ящиков, баню видели лишь во сне. Могли разве мы представить, что будем охранять границу на такой вот «заставе»? Впрочем, мы уже не считались пограничниками. Официально ПВ в боях в Афгане не участвовали, даже погоны нам сменяли.

ходили. Надо отдать должное афганцам: убитых, раненых они всегда забирали с собой. А гило их, конечно, очень много. Где-то вычитал цифру: около миллиона афганцев погибло за десять лет этой войны. Вполне вероятно, если учесть, что после одного из боев наши потери составили — один раненый и четверо контуженных, а у душманов — двадцать человек только убитых.

Плохо, когда обстрел. Еще хуже — когда задует «афганец». Его можно сравнить с нашим туманом, но вместо влаги в воздухе висит песок. Он везде — в оружии, под бельем, на теле, на зубах. От него некуда деться. Но хуже всего то, что вертолеты не летают в это время. Помню один случай. Есть было нечего — сварили последнюю кость, похлебали жирной водички. Достали сухпай, а запивать уже нечем. Сутки

пил полкружки и понял, что такое счастье!

Служил я на «точке» неделю, около двух месяцев, отозвали потом в группу. А вот земляку Андрею Бульчеву пришлось провести там год. Он и рассказал, что после моего отъезда начались настоящие обстрелы.

Хочу рассказать еще об одном эпизоде. Сопровождали мы афганскую колонну, когда внезапно сверху, с гор, нас обстреливали. Бой был коротким, в таком случае колонне ни в коем случае нельзя останавливаться — только вперед. Отъехали мы километров десять, выскочили из машины. Вылез и водитель безвозова сержант Волков. Смотрим, а у него из сапога кровь сочится. Пуля пробила правую стопу, а он еще 10 километров вел машину, давил раздробленной ногой на газ. Подвиг? Считаю, да. А там, в Афганистане, Волков после госпиталя